

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

ПАЦИЕНТ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ш46

Серия «Психологический триллер»

Jane Shemilt
THE PATIENT

Перевод с английского *А. Воронцова*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения David Luxton Associates Ltd
и The Van Lear Agency LLC.

Шемилт, Джейн.

Ш46 Пациент : [роман] / Джейн Шемилт ; [перевод с английского А. Воронцова]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-163287-8

Врач не имеет права заводить отношения с пациентом. Тем более если этот врач — психотерапевт.

Но Рэйчел Гудчайлд забыла об этом правиле с первой же встречи с неуравновешенным, склонным к депрессиям, но невысказанно обаятельным архитектором-французом Люком Лефевром. И теперь, когда Люка обвиняют в двух убийствах, совершенных в состоянии умопомешательства, Рэйчел готова сделать все, чтобы доказать его невиновность.

Однако невиновен ли он?

Далеко не все мужчины откровенны с любовницами. И далеко не все пациенты — с психотерапевтами.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-163287-8

© Jane Shemilt, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

Пролог

Июнь 2017 года

Чужие шаги были едва различимы за шумом барабнящего по листьям дождя, вздыхающих на ветру ветвей, грохочущего грузовика, проехавшего вдаль по Блендфорд-роуд. Мне казалось, что я снова слышала то, чего, по словам Нейтана, на самом деле не было.

Вдоль дорожки горели немногочисленные фонари, тень от Солсберийского собора, подсвеченного прожекторами, падала на гравий. Столетие назад в этом месте убили женщину; в такие пасмурные вечера, как сегодняшний, ходить тут было страшновато.

Иногда констебль, патрулирующий Подворье¹, прогуливался поблизости со своей немецкой овчаркой или где-то впереди смеялись идущие домой из паба женщины. Случись так сегодня, я чувствовала бы себя среди людей или, по крайней мере, в большей безопасности. Но мне не повезло.

¹ В оригинале Close (Ближний Круг, Окрестность), имя собственное — историческая территория Солсберийского собора.

Я заторопилась; приближающиеся шаги зазвучали громче. Они казались совершенно реальными. По коже поползли мурашки — будто множество муравьев пробиралось от воротничка к волосам. Мне захотелось провести по шее ладонью, но я боялась наткнуться на чужие пальцы, протянувшиеся к моему горлу.

Я заставляла себя обернуться и не могла, хотя следовало бы. Мне сорок девять, я врач, жена и мать. И я привыкла встречать неприятности лицом к лицу.

Я обошла лужу, а через несколько секунд раздался тихий всплеск — чья-то тяжелая нога ступила в воду.

И тогда я побежала.

Глава 1

Февраль 2017 года

Адвокат посоветовала изложить все письменно, с самого начала. Но начала как такового не было. Я шла к этому годами. И все же, если выбирать конкретное время, я вернулась бы на пять месяцев назад, к тому моменту, когда припарковала свою машину на почти пустой стоянке. Мне не стоило этого делать. Я могла бы поехать сразу домой; сначала я так и решила. До этой точки боги могли бы удержать меня от кривого пути, и сейчас я сидела бы дома с мужем, а не под спящей лампочкой в одиночной камере следственного изолятора.

Свет в регистратуре клиники все еще горел, что для восьми часов вечера было довольно странно. Кэрол, должно быть, задержалась на работе, ожидая, пока я верну на место медицинские карты, несколько пачек которых остались у меня на руках после еженедельного осмотра пациентов в Сарумском доме престарелых. Этими описаниями жалоб и обследований, наблюдений и результатов, копившимися на протяжении всей жизни и криво

подшитыми под бледно-коричневые картонные обложки, мы привыкли пользоваться на выезде, потому что они были довольно компактны и напоминали о старом добром прошлом, когда у врачей было больше времени. Роджеру Моррису, одному из владельцев клиники и практикующему терапевту, это нравилось. Он говорил, что подробные записи и сами по себе служат подсказкой другим докторам, а уж пометки на их полях — тем более.

Я чуть не проехала мимо. Нейтан, вероятно, уже вернулся домой и начал готовить ужин. Мы договорились сделать это вместе, я обещала внести свой вклад, но карты — собственность клиники, и, взяв их домой, я нарушила бы правила. Тогда я еще была «хорошей девочкой», как выразился бы Нейтан. Или, по крайней мере, старалась придерживаться установленного порядка.

Чтобы вернуть карты на полку, требовалось всего несколько минут. Я включила правый поворотник и проехала через ворота на стоянку клиники. Решила, что сделаю дело — и сразу назад. Быстро покачу по безмятежным улицам Солсбери, а потом через еще более тихую территорию собора — и все-таки успею к ужину. Мы посмотрим десятичасовые новости, а потом один из нас выведет Пеппера на вечернюю прогулку. Нейтан проверит, заперты ли двери, и мы отправимся в постель.

Обойдемся без секса, который теперь стал редким явлением в нашей жизни. В последнее время Нейтан постоянно думал

о чем-то своем, а мне, если честно, не хотелось. Я не могла припомнить, когда занимались любовью в последний раз, но не забыла свою раздражительность — из-за гормонов или их нехватки — и отсутствие желания тоже. А еще потливость, одолевающую меня по ночам, и головные боли, иногда очень острые. Усталость, и свою, и Нейтана, в которой не было ничьей вины — мы были очень заняты на работе. Но мы были близки, близки достаточно. По крайней мере, я так думала. Секс не имел значения и ни на что не влиял, хотя теперь я вижу, что ошибалась. Его отсутствие повлияло на все.

Мы вели размеренную жизнь, безопасную и спокойную, на зависть многим. В спальне у каждого в изголовье висел отдельный прикроватный светильник, тишину нарушал только шорох переворачиваемых нами страниц. Нейтан минут через десять обычно откладывал книгу, выключал свою лампу, отворачивался и засыпал. А я лежала без сна, иногда всю ночь слушая, как колокола собора отбивали каждую четверть часа, и думала о Лиззи, о своих пациентах, о списке дел на следующий день, об обходах и результатах, записях и приемах. Когда мое сердце начинало учащенно колотиться, а мысли превращались в кашу в голове, я поднималась, чтобы заварить себе чашку чая, а затем снова возвращалась в постель. Слушала шум проезжающих машин и наблюдала, как по потолку скользят и исчезают успокаивающие, таинственные и дружественные призрачные пятна света.

«Киа» Кэрол стояла на парковке рядом с «Фордом» Дебби. Через два пустых места от них был припаркован красный «Мерседес» — кабриолет с опущенным верхом. В феврале. Видимо, кто-то с билетами в театр хотел произвести впечатление на свидании и приткнул здесь машину в самый последний момент.

Был ли там еще один автомобиль, стоявший в дальнем углу, где под нависающими ветвями блестящих вечно скользкий из-за гниющих листьев асфальт? Возможно, только я не заметила — к тому времени уже стемнело, а под деревьями особенно сильно. Я бросила взгляд на свое отражение в сверкающем от падающего из окон клиники света боку «Мерседеса» — маленькая фигурка с развевающимися волосами боролась со встречным ветром. К счастью, было слишком поздно, чтобы столкнуться с кем-то из пациентов, и это вселяло надежду, что визит окажется недолгим.

Я ошиблась. Напряженная обстановка почувствовалась сразу у входа. Кэрол нагнулась над стойкой регистрации, держа в руках карточку временного пациента. Беременная Дебби, стоявшая рядом с потемневшими от усталости глазами, слушала ее, склонив голову к плечу и прикрывая живот рукой. Мне вспомнилось собственное состояние после дежурств в клинике двадцать четыре года назад. Я уловила лишь конец фразы:

— ...риск суицида. Я отвела его в кабинет Рэйчел. Понимаю, что уже слишком

10 поздно, но я не смогла отказать.

В этот момент Нейтан, наверное, уже откупоривал вино на кухне. Охлажденное «Шардоне», его любимое. Я обычно предпочитала красное, особенно зимой — после рабочего дня мне хотелось тепла. Я представила, как муж поглядывает на часы. Но упоминание о возможном суициде качнуло весы в другую сторону. Перед моим внутренним взором всплыло лицо Лиама. Круги под глазами, сжатые кулаки, отчаяние, которого я не замечала.

— Я разберусь с этим, Дебби.

От моих слов она вздрогнула и обхватила руками живот. Я не хотела ее напугать, но дверь открывалась бесшумно и в клинике год назад заменили ковролин. Он был новый, плотный и хорошо заглушал звук шагов.

— Так будет лучше. — Я сбросила кипу карточек в лоток для входящих документов. — Тем более он уже в моем кабинете.

— Ты оставила его незапертым. — Кэрол провела рукой по своим блестящим волосам. — Пациент показался мне очень расстроенным.

— Не переживай, — тепло улыбнулась я ей. — Я рада, что ты ему не отказала.

Как и регистратура, кабинет Дебби был сугубо функционален. Мать малыша, беременная вторым, не имела времени, чтобы придать рабочему месту хоть малость домашнего уюта. Впрочем, она в этом не нуждалась. Ее жизнь за стенами клиники и без того была наполнена яркими красками, шумом, звонками подруг, детьми, смехом и болтовней.

Наша с Нейтаном жизнь была очень тихой. Мужу нравился пастельный оттенок стен — дома ему хотелось покоя. Зато для своего рабочего кабинета я выбрала цвета по собственному вкусу. Бирюзовые стены, постер со Средиземным морем: красные лодки на фоне синевы; фотография вулкана, извергающего золотые и алые брызги раскаленной лавы. А еще фото Нейтана с Лиззи на столе, коробки с игрушками под кушеткой и красные кресла-мешки, чтобы дети могли на них валяться. Для приятного запаха я расставила повсюду пучки сушеной лаванды из сада моей соседки Виктории. Все эти мелочи придавали уют. Во всяком случае, мне самой они доставляли удовольствие.

— Но сегодня мое дежурство. — Дебби неловко наклонилась за своей сумкой. Она не хотела ни жалости, ни снисхождения. Я ее понимала, я сама была такой. Опустив глаза, я заметила ее отекавшие лодыжки. Такими они бывают в третьем триместре беременности, если весь день проводить на ногах.

— Будешь мне должна, если тебе так легче. — Я тоже устала, но когда тебе далеко за сорок, эта усталость иного рода, чем у беременных. Она никогда тебя не оставляет, к ней привыкаешь и идешь по жизни дальше.

Дебби выпрямилась и посмотрела на меня разноречивым взглядом, в котором читались и облегчение, и чувство вины, и возмущение, и гордость. Все это мне было знакомо по собственному опыту, и я захотела ее обнять.

12 Ей было всего двадцать шесть — на два

года больше, чем Лиззи. Я не могла припомнить, когда в последний раз обнимала свою дочь, та уклонялась от объятий. Недавно она заявила мне, что нуждается в личном пространстве, что так привыкла, что я была слишком занята, пока она росла, а теперь уже поздно наверстывать упущенное. Говорила сквозь смех, но это не было шуткой.

Кэрол, деловито подавшись вперед, принялась вводить меня в курс дела:

— Его имя — Люк Лефевр. — Она аккуратно поджимала губы после каждой фразы, как будто запечатывала конверт; это придавало ей осуждающий вид. — Наполовину француз, я полагаю. Живет в Лондоне; собирался домой, но вышло так, что он...

— Спасибо, Кэрол. Я у тебя переспрошу, если потребуется.

Я предпочитала выслушивать самих пациентов. Многое можно понять по молчанию или по позе, по стиснутым рукам или быстрому косому взгляду.

Кэрол протянула мне временную карточку, которую пациент заполнил, пока ожидал, и принялась перебирать и по одной бросать на стойку те, что вернула я. Миленькая белая блузка с вышитыми вокруг воротничка ягнятами смотрелась на ней нелепо, особенно в сочетании с пылающими щеками. Я опять обидела ее. Ни для кого не было секретом, что она предпочитала дежурить с Роджером. Я тоже его любила, все любили. Высокий, добрый, рассеянный Роджер, седовласый

и с мягким голосом. Он бы застыл на месте как вкопанный и внимательно выслушал все, что она хотела сказать. Он бы кивал и улыбался с явной благодарностью. А я никогда не отличалась терпением — не только с Кэрол, но и с друзьями, и с родными. Нетерпеливой я была всегда, но Нейтан считал, что в последнее время особенно. «Трудный возраст», — констатировал он, а я промолчала.

Мне следовало выслушать Кэрол, как сделал бы на моем месте Роджер. Оказалось, что она была права, и мне требовалось гораздо больше информации, хотя теперь уже слишком поздно выяснять, что мог сказать ей Люк Лэфевр до того, как я впервые его увидела. С этим я запоздала на многие месяцы.

Я была бы добрее к Кэрол, если бы только знала; намного, намного добрее. Я совершила одну из тех ошибок, о которых мне предстояло жалеть всю жизнь. Я должна была быть внимательней. Позже выяснилось, что она пела в хоре, по пятничным вечерам ходила на бальные танцы, посвящала свободное время работе в благотворительном магазине. Мне так мало было о ней известно...

Проходя по коридору, я отправила Нейтану сообщение, в котором написала, что задержусь, и попросила поужинать без меня. В огромном здании нашего медицинского центра были довольно длинные коридоры — в нем располагалась еще одна клиника, а также физи-

сестры¹. Кэрол забыла включить свет. Пока я шла от регистратуры к своему кабинету, мне казалось, что я все глубже и глубже погружаюсь во мрак. Помню, как я спотыкалась и, продвигаясь вперед, шарила рукой по стене, чтобы не упасть.

Глава 2

Февраль 2017 года

— Ох... Простите. С вами все хорошо?.. То есть я вижу, что нет, но...

Обычно я не запинаясь и не извинялась, разговаривая с пациентами, но этот плакал, и мне показалось, что я вторглась слишком грубо. Женщины рыдают, не стесняясь, а мужчины часто стараются скрыть свое горе. Люк оказался другим; его щетина намочила от слез, и даже воротник был влажным.

Он начал было приподниматься, когда я вошла, но это нарушило бы неписаное правило. Пациенты не встают навстречу врачам. Я положила ладонь на его плечо, и это было еще одно нарушение. Врачи не прикасаются к пациентам, если это не является необходимой частью обследования, но и тогда следует спросить разрешения или, такие уж времена, предложить осмотр в присутствии доверенного лица. «Он расстроен», — придумала я себе оправдание,

¹ Дипломированная медсестра — высококвалифицированный специалист — медик среднего звена, зарегистрированный в Совете медсестер и акушерок.